

поединки проводились без свидетелей, подобные злодеяния можно было совершать, не особенно опасаясь разоблачения. А в те дни много пили и много играли, и эти две причины часто приводили к обнажению легких, элегантных малых шпаг. Однако часто бывало так, что более рассудительный участник ссоры не собирался брать на душу грех убийства, и в этом мастера фехтования готовы были ему помочь. Они разработали серии движений для обезоруживания противника, чтобы таким образом его можно было обезвредить, не убивая. Большой вклад в их разработку внес Жерар, а до совершенства довел в 1763 году знаменитый Анджело.

Манеры благородных господ начала XVIII века все так же оставляли желать лучшего, но вот форма их оружия претерпела изменения. Клинки с плоским и ромбовидным сечением исчезли, а место их заняли трехгранные, что позволило выиграть, с одной стороны, в жесткости, а с другой — в легкости оружия. Примерно той же длины, что и распространенная прежде шпага, новомодное оружие имело очень широкий клинок в близкой к эфесу части, возможно, для увеличения силы защитных действий, поскольку в то время использовались только «простые» парирования; клинок оставался широким первые дюймов восемь, а затем внезапно сужался. Этот вид малой шпаги получил название колишмард; популярность его держалась до начала второй половины века, и это было серьезное оружие.

«Король умер — да здравствует король!»

Великий монарх, «король-солнце» шел к своему закату. Военная слава, которой он так гордился, улетучилась, армии его были разбиты, а сам он, старый и дряхлый, готовился отдать природе тот долг, который является уделом каждого, будь то король или простолюднн. «Король умер — да здравствует король!» Но кому теперь предстоит принять бразды правления, выпавшие из некогда властной руки? Маленькому ребенку! А кто главный наставник этого мальчика? Кто правит королевством от его имени? Филипп Орлеанский, которого король, по словам Кампильея, называл «*fanfaron des vices*»⁴⁶. Это был человек, который столь гордился своими драками, что хвастал о них направо и налево, а если истории, изложенные в мемуарах шеваляе де Раванна, хотя бы частью верны, то хвастать ему было чем.

Кампильея утверждает, что к началу эпохи Филиппа Орлеанского души людей были измучены деспотизмом. Они устали от напряжения, были по горло сыты королевским великолепием и славой и не хотели ничего, кроме полного расслабления и всевозможных удовольствий. Дурному примеру Филиппа стал следовать весь двор, а сам он вел себя в полном соответствии с вышеприведенной характеристикой. Учивость и галантность, свойственная предыдущему режиму, сменилась циничным дебоширством; блудливость не считалась более поводом для скандала, а стала будничным явлением — плохая репутация становилась предметом гордости как мужчин, так и женщин, и краснели они только тогда, когда совершали что-нибудь благородное.

Разгильдяй по природе своей и сладострастник по образу жизни, регент жил удовольствиями одного дня, не думая о будущем. Он был лишь бледной тенью короля, временным хранителем верховной власти; какое ему было дело до того, что вся основа его могущества разваливается прямо у него в руках, пока у него была возможность продемонстрировать свое величие? Он ничего не замечал до тех пор, пока это не мешало ему властвовать или наслаждаться жизнью. Так что в отношении дуэлей мы видим полное отсутствие каких-либо предубеждений против них и никаких усилий, подобных усилиям Людовика XIV. Неудивительно, что вскоре мания частных стычек стала почти такой же популярной, как и во времена Генриха Великого. Каждый день появлялись известия о том,

⁴⁶ Человек, бравирующий своими грехами (фр.). (Примеч. пер.)